

О. М. Колесников¹

✉ haris67@list.ru

¹Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Полифонизм пасхальных рассказов А. П. Чехова: стилизация и сказ («Студент», «На страстной неделе», «Убийство»)

Аннотация: Статья посвящена проблеме полифонической организации пасхальных рассказов А. П. Чехова — сопряжению в них христианского взгляда на мир и его антропоцентричных альтернатив. Так, в рассказ «Студент» чуждый христианству идеологический мир входит через имитацию стиля ренановского нарратива. Стилизация имеет аллюзивное «подкрепление». На героя рассказа Ивана Великопольского спроецированы образ мысли и факты из биографии Э. Ренана, двадцатидвухлетнего семинариста, решившего порвать с ортодоксальным христианством и написать критическое жизнеописание Иисуса. Мышление героя не теоцентрично: Евангелие — одно из многочисленных повествований о прошлом; не Бог — над всем, а «правда и красота». Словосочетание «правда и красота» как синоним слова «Бог» (с размытой семантикой) находим в сочинениях Ренана. Ренановский интертекст обнаруживается и в чеховских нехудожественных высказываниях о религии. С помощью сказа в пасхальный рассказ эксплицитно вводится ортодоксальная точка зрения, а имплицитно — неортодоксальная: наивный кругозор и речь рассказчика отчасти проблематизируют его безоговорочную веру в Бога. Сказовая стилизация является соответствующей художественной формой для глубокого исследования религиозной психологии и «маскировки» авторского отношения к библейской картине мира. В рассказе «На страстной неделе» вскрываются изъяны религиозного воспитания детей. В «Убийстве» исследуется феномен сектантского мышления. Строем своих произведений обличая уклонения от нравственно-психологических норм, Чехов не оставляет за собой последнего слова в вопросах о смысле жизни, источнике и цели существования мира.

Ключевые слова: А. П. Чехов, стилизация, сказ, полифонизм, пасхальный рассказ, Библия, Христос.

Дата поступления статьи: 14 июля 2021 г.

Для цитирования: Колесников О. М. (2022). Полифонизм пасхальных рассказов А. П. Чехова: стилизация и сказ («Студент», «На страстной неделе», «Убийство»). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 1, с. 56–66. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.1.7.

Scientific article

О. М. Kolesnikov¹

✉ haris67@list.ru

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Stylization and Skaz in Chekhov's Easter Stories ("The Student", "On Holy Week", "Murder")

Abstract: The article is devoted to the problem of the polyphonic organization of A. Chekhov's Easter stories, to the conjugation of the Christian view of the world and its anthropocentric alternatives in them. The ideological world alien to Christianity enters into the story "Student" through imitation of the Renan narrative style. Stylization has an "reinforcement". The hero of the story, Ivan Velikopolsky, bears a resemblance to E. Renan, who, being a twenty-two-year-old seminarian, decided to break with Christianity and write a critical biography of Jesus. The hero's thinking is not theocentric: the Gospel is one of the many narratives about the past; not God is above everything, but "truth and beauty". The phrase "truth and beauty" as a synonym for the word "God" (with blurred semantics) is found in the writings of Renan. Renan's intertext is also found in Chekhov's non-fiction statements about religion. With the help of a skaz, a christian point of view is explicitly introduced into the Easter story, and implicitly an unorthodox one: the narrator's naive outlook and speech partially problematize his unconditional faith in God. Skaz is an appropriate artistic form for a deep study of religious psychology and the "masking" of the author's attitude to the biblical picture of the world. In the story "On Holy Week", the flaws of the religious upbringing

of children are revealed. “Murder” explores the phenomenon of sectarian thinking. Denouncing deviations from moral and psychological norms, Chekhov does not reserve the last word in questions about the meaning of life, the source and purpose of the existence of the world.

Keywords: Chekhov, stylization, skaz, polyphonism, Easter story, Bible, Christ.

Paper submitted: July 14, 2021.

For citation: Kolesnikov O. M. (2022). Stylization and Skaz in Chekhov’s Easter Stories (“The Student”, “On Holy Week”, “Murder”). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 1, pp. 56–66. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.1.7.

Введение

В научных работах, посвященных чеховским пасхальным рассказам, преобладают их «благочестивые» интерпретации, основанные на жанровых ожиданиях. Однако А. С. Собенников (Собенников, 1997) и Н. В. Капустин (Капустин, 2003) указывают на трансформацию в календарных рассказах Чехова (святочных, рождественских, пасхальных) исконного для них беспримесного христианского жизнеощущения. Христианская точка зрения не является доминирующей в чеховском мире, ей с одинаковой степенью убедительности противопоставляется альтернативная; актуальной научной задачей является описание способов ввода взаимоисключающих точек зрения в чеховский пасхальный рассказ и способов обеспечения их равноправного сосуществования.

В гуманитарном знании, по всей вероятности, без доказательств принимается положение, что религиозные убеждения писателя отражаются на приемах его работы с Библией. Чехов неоднократно заявлял: «Я человек неверующий» (Чехов, 1977, т. 9: 1894–1897, с. 29; Чехов, 1975, т. 2: 1887 – сентябрь 1888, с. 327; т. 5: 1886, с. 20; Чехов, 1982, т. 11: июль 1902 – декабрь 1903, с. 234). Одновременно говорил о необходимости богоискания: «Нужно верить в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать...» (Чехов, 1981, т. 10: апрель 1901 – июль 1902, с. 142). Вопрос о вере или безверии Чехова приобрел особенную остроту после смерти писателя. По этому вопросу высказывались философы, священники, писатели и литературные критики, и кто-то из них говорил о религиозном мироощущении писателя, находя у него недекламируемое христианство, кто-то ему в этом отказывал. Множественность точек зрения по проблеме «Чехов и вера» сохраняется до сих пор.

А. С. Собенников справедливо замечает: «Едва ли литературоведы смогут ответить на вопрос о вере Чехова. Пусть на него отвечают богословы (если захотят это сделать)» (Собенников, 1997, с. 17). (Хотя он же: «Не будем обманываться. Сознание писателя было безрелигиозным» (Собенников, 1997, с. 189). Действительно, разномыслия литературоведов не в последнюю очередь обусловлены отсутствием единых богословских критериев «правоверия»: для одного признак ортодоксальности – любовь к колокольному звону, для другого – полное принятие всей христианской метафизики, для третьего – воцерковленность православного образца и т.д.

В. Б. Катаев отмечает своеобразие художественной позиции Чехова в том, «что, оставаясь принципиально вне религии, он не делал в своем творчестве проблемы религии <...> ни предметом утверждения, ни объектом отрицания» (Катаев, 1979, с. 292).

Сам писатель настаивал, что «не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и т. п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме» (Чехов, 1975, т. 2: 1887 – сентябрь 1888, с. 280).

Средства сохранения писательского нейтралитета, т. е. типические приемы художественной постановки в чеховском тексте предельных вопросов (о Боге, смысле жизни, загробной жизни и др.) и способы авторского дистанцирования от их окончательного разрешения, являются недостаточно изученными в науке.

Методы

При анализе текстов используются элементы биографического, интертекстуального, нарративного и структурного методов анализа.

Результаты

Взаимоисключающие ответы на так называемые предельные вопросы в чеховском мире равноправно сосуществуют, в нем никто не знает «настоящей правды», истину о «настоящем боге»

человечество познает лишь в будущем. Смотря на спящую Надежду Федоровну, Лаевский («Дуэль») «подумал, что если небо не пусто и в самом деле там *есть бог*, то он сохранит ее; если же *бога нет*, то пусть она погибнет, жить ей незачем» (здесь и далее курсив наш.— О. К.) (Чехов, 1977, т. 7: 1888–1891., с. 439). Здесь две контрастирующие идеологические точки зрения («есть Бог» vs «нет Бога») сопряжены во внутреннем монологе героя; ни той ни другой не отдается предпочтение, обе считаются равно возможными.

Вечные вопросы ставятся в произведениях писателя не только с помощью монологов и диалогов героев — для этого также используется сказ и стилизация. В широком смысле литературоведческое понятие «стилизация», «имитация того или иного стиля» (Долинин, 1972, с. 180), является родовым для таких ее видов, как пародия, мистификация, сказ, подражание (Вацуру, 1981, с. 528). «Однако в специальной литературе, — отмечает К. А. Долинин, — термин “стилизация” обычно употребляется лишь для обозначения особого типа авторской речи, ориентированной на определенный литературный стиль, в противоположность сказу, который воспроизводит внелитературные жанровые и речевые формы» (Вацуру, 1981, с. 528). По мнению А. Я. Кубасова, «важнейшим конструктивным принципом стиля прозы Чехова является стилизация» (Кубасов, 1998, с. 18).

А. П. Чудаков считает, что в рассказе «Студент» (1894) «Чехов изображает библейские события <...> “по-ренановски”» (Чудаков, 1996). Ученый обнаруживает идеологический полифонизм в рассказе, ведь по сути дело не в стиле, а в идейной позиции, за ним стоящей. Хорошо известно, что Христос, по мнению Э. Ренана, был высоконравственной личностью, но не Богом, а евангельские тексты для французского писателя — это исторические документы, в которых достоверные факты чередуются с вымышленными. Наличие ренановского голоса в рассказе нуждается в самой тщательной проверке, тем более потому, что рассказ — пасхальный, а голос — отрицающий Христову победу над смертью. По Ренану, воскресение — миф, распространению которого содействовало «живое воображение Марии Магдалины» (Ренан, 1906, с. 242). В исследованиях, посвященных «наиболее отделанной вещи» Чехова (Богданова, 2019; Есаулов, 1999; Капустин, 2004; Козлова, 2021а, 2021б; Минуллин, 2021 и др.), не встречается оглядка на эти слова Чудакова, и их значение, на наш взгляд, остается недооцененным в чеховедении.

Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) известен как историк, лингвист, филолог-востоковед. Вышедшая в свет в 1863 г. книга «Жизнь Иисуса» сделала его имя знаменитым. При ее создании Ренан «опирался на достижения так называемой Тюбингенской школы немецких историков, которые подвергли критическому изучению текст Нового завета» (Кийко, 1980, с. 106). Для ренановского описания жизни Иисуса характерны «очищение» евангельских повествований от сверхъестественного элемента и их «романизирование» — художественное наполнение психологическими и предметными деталями.

Книга Ренана имела шумный успех не только в Европе, но и в России. Вероятно, успех объясняется тем, что проводником идей позитивизма и либеральной протестантской теологии стал способный к их выразительному изложению «католический протестант» (Н. Н. Страхов). Имя Ренана встречаем уже в одном из ранних чеховских рассказов (1883): «Когда подали шампанское, мы попросили губернского секретаря Оттягаева, нашего Ренана и Спинозу, сказать речь» (Чехов, 1975, т. 2: 1883–1884, с. 80).

Ренановский стиль обнаруживается в «Евангелии от Великопольского» (Тамарченко, 1997). Герой рассказа «Студент» Иван Великопольский повествует своим слушательницам, вдовам, Василисе и ее дочери Лукерье, о событиях, произошедших накануне распятия Иисуса, обращая особое внимание на отречение и раскаяние ап. Петра. И делает он это очень творчески. Как считает Чудаков, «по сравнению с изложением этих событий у евангелистов в рассказе художественно реконструируется (конечно, по-чеховски лаконично) душевное и физическое состояние Петра, вещная обстановка ситуации» (Чудаков, 1996).

У Ивана Великопольского, по его собственному признанию, работает воображение: «Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 308). Конечно, ни о каком саде евангелисты не пишут, едва слышимые «глухие рыдания» Петра — это также художественная «раскраска» евангельского эпизода.

Следует отметить примеры существенной переработки евангельского повествования. Так, не имеет библейского подтверждения (см. Мф. 26:46–58; Мк. 14:42–53; Лк. 22:47–54; Ин. 18:3–13) рассказ сту-

дента об избииении Иисуса на пути из Гефсиманского сада к дому первосвященника: «Его связанного вели к первосвященнику и били» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 307–308). Евангелист Марк приводит слова Иуды, противоречащие этой версии: «Возьмите Его и ведите осторожно» («сохранно» – церковнослав.) (Мк. 14:44).

Об избииении Христа рассказывается «по-ренановски», литературно: используются эпитеты («замученный тоской и тревогой»), эмоционально окрашенная лексика («вот-вот на земле произойдет что-то ужасное», «страстно, без памяти любил Иисуса»), ритмомелодические и лексические повторы («его вели к первосвященнику и били <...> понимаешь ли <...> теперь видел издали, как его били») (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 307–308).

Н. А. Кадырова (Кадырова, 2019, с. 9) замечает в пересказе Великопольского трансформацию следующего евангельского фрагмента: «Но Петр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда еще говорил он, запел петух. Господь, обратившись, взглянул на Петра, и Петр вспомнил слово Господа, как он сказал ему: прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды. И вышел вон, горько заплакал» (Лк. 22: 60–62). Если согласно Евангелию взгляд Христа на Петра подтолкнул того к раскаянию, то по Великопольскому Петр обратил свой взор на Господа: «И после этого раза тот час же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери...» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 308).

Объем статьи, к сожалению, не позволяет детально описать переключки «Евангелия от Великопольского» с «Жизнью Иисуса», в т. ч. в принципах контаминирования четырех Евангелий.

Ренановский след в «Студенте» находим не только во вставном, но и в обрамляющем рассказе. Полагаем, что ренановский интертекст пронизывает рассказ от его начала до конца. В интертекстуальном диалоге принимают участие такие сочинения Ренана, как «Воспоминания детства и юности» (*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*), «Жизнь Иисуса» (*Vie de Jésus*), «Будущее науки» (*L'Avenir de la science*) и др.

Герой «Студента» – «сын дьячка», двадцатидвухлетний «студент духовной академии» (это следующая за семинарией ступень духовного образования, кузница будущих архиереев и богословов). Духовные академии в России XIX в., как известно, располагались в столицах (Москва и Санкт-Петербург), Киеве и Казани; из начальных строк рассказа становится ясно, что студент находится в родных местах, в глухой провинции, по-видимому, в каникулярное время (пасхальные праздники).

Из «Воспоминаний детства и юности» узнаем, что двадцатидвухлетний Ренан, студент парижской семинарии, находясь на каникулах в своей родной захолустной Бретани, решил порвать с ортодоксальным христианством, «руководствуясь указаниями разума и критического мышления» (Ренан, 1902, т. 10, с. 141). Александр Мень пишет о ренановском «Рубиконе» в книге «Трудный путь к диалогу»: «6 октября 1845 года по широкой лестнице семинарии св. Сюльпиция в Париже спускался молодой человек в сутане <...> Жозефу Эрнесту Ренану было всего 22 года. Еще недавно он готовился принять сан священника. Но теперь эта мысль была оставлена навсегда» (Мень, 1992).

Описывая свое пребывание в Бретани в 1845 г. (Ренан, 1902, т. 10, с. 138–144) и сообщая об особенностях нового отношения к вере, Ренан пишет: «Уже в эти минуты мною была вполне задумана Жизнь Иисуса» (Ренан, 1902, т. 10, с. 139). Если у Ренана в 22 года имелся замысел художественной реконструкции евангельских повествований о жизни Иисуса, то Иван Великопольский в этом возрасте такой замысел частично воплотил в рассказе, имеющем приметы ренановского нарратива.

По всей вероятности, из «Воспоминаний» на Ивана Великопольского перенесены возраст, учеба в духовных заведениях, каникулы в родном захолустье, пренебрежение к обрядовой стороне религии. (Двадцатидвухлетний Ренан «перестал принимать участие в таинствах Церкви» (Ренан, 1902, т. 10, с. 137), а его ровесник из чеховского рассказа охотится в Страстную Пятницу).

Склонность студента духовной академии к историософским обобщениям, о которых мы читаем в рассказе, также может быть «списанной» с французского историка, который признавался, что «оригинальная среда» его родной Бретани даровала ему «качество, драгоценное при изучении исторических наук» (Ренан, 1902, т. 10, с. 45).

В финальных размышлениях студента «отсвечивает» ренановский образ мысли: «правда и красота» в его взгляде на мир занимают место, которое, согласно христианскому мироощущению, принадлежит Богу, Евангелие – один из исторических источников и пр.

Два последних абзаца «Студента» надлежит читать, оглядываясь на отличие традиционного христианского мировосприятия от его антропоцентристских редуций и альтернатив – «общих идей» чеховской эпохи (деизм, позитивизм, гуманизм, радикальная библейская критика и пр.).

В мыслях Великопольского (внутренний монолог) слышен «тюбингенский акцент»: сильное ударение на историческом аспекте того, «что происходило девятнадцать веков назад» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 309). Евангельская история рассматривается им как звено в цепи событий прошлого, без подчеркивания необыкновенности этого звена: «Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 309). Этот образ цепи может быть прочитан как приравнивание Евангелия к множеству исторических источников, повествований о прошлом.

Мышление студента не теоцентрично: не Бог над всем, а «правда и красота», составляющие «главное в человеческой жизни и вообще на земле» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 309).

Словосочетание «правда и красота» есть в книге Ренана «Будущее науки», где эти слова рассматриваются как синонимичные лексеме «Бог»: по мысли автора, простым людям будет ближе слово «Бог». «Скажите простымъ людямъ, чтобы они отвлеченно жили *правдой и красотой*, и эти слова не будутъ иметь для нихъ никакого смысла. Скажите имъ, чтобы они любили Бога, чтобы они не оскорбляли Его, и они поймутъ васъ удивительно хорошо» (Ренан, 1902, т. 2, с. 135).

Кстати, слово «бог» в «Студенте» звучит лишь однажды и именно из уст простой вдовы, Василисы: «Не узнала, бог с тобой, — сказала она. — Богатым быть» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 307).

Во фрагменте «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника» (Чехов, 1977, т. 8: 1892–1894, с. 309) можно увидеть идею о примате нравственности над Христом, рассмотреть черты ренановского Иисуса, т. е. человека, движимого нравственным идеалом («правда и красота»). Библейский Христос — это человек и одновременно Бог, Законодатель в нравственной сфере, а не ее подчиненный.

За рамками статьи оставляем сложный вопрос документальных свидетельств о знакомстве Чехова с теми или другими трудами Ренана, включающий в себя проблемы цензурной политики России XIX в., бытования текстов на французском языке, различия в их переводах и др. Это вопрос, полный и исчерпывающий ответ на который, по всей вероятности, невозможен в принципе. Незаполненность в чеховедении этой лакуны иллюстрирует, например, то, что в полном собрании сочинений и писем Чехова говорится о неустановленности источника ренановской цитаты в материалах к диссертации «Врачебное дело в России» (Чехов, 1979, т. 16: 1881–1902, с. 543). Полагаем, что источник этой цитаты — «Жизнь Иисуса» Ренана. У фрагмента из этой книги (Ренан, 1906, с. 49–50) и цитаты из незаконченной чеховской диссертации (Чехов, 1979, т. 16: 1881–1902, с. 354) самыми существенными несоответствиями являются перестановки и синонимические замены слов. Так, упомянутый фрагмент книги начинается со слов: «Даже отчасти ошибочныя преданія заключаютъ долю истины...», — а в материалах к диссертации читаем: «Преданія, отчасти и ошибочные, могут заключать в себе известную долю правды...».

Отдельная тема — мысли Ренана о религии, имеющие параллельное выражение в нехудожественных высказываниях Чехова. Например, первый считает, что «придет день, когда человечество <...> познает метафизический и моральный мир точно так же, как теперь оно знает мир физический» (Ренан, 1902, т. 1, с. 68), второй — что «в далеком будущем человечество» познает «истину настоящего бога <...> как познало, что дважды два есть четыре» (Чехов, 1982, т. 11: июль 1902 — декабрь 1903, с. 106); по Ренану, «для народа храмъ составляет литературу, науку, искусство» (Ренан, 1902, т. 2, с. 142), а для Чехова «церковь в деревне — это единственное место <...> где мужик получает хоть какие-нибудь эстетические впечатления» (Измайлов, 1911, с. 158) и др.

Если через стилизацию Чеховым в пасхальный рассказ вводится неортодоксальная точка зрения, то через сказ — ортодоксальная. Чеховский религиозный герой-рассказчик безоговорочно верит в Бога, жизнь за гробом, ад, рай, воскресение мертвых, ангелов, бесов, Божий Суд и пр.; эксплицитного полемического примыкания к этой точке зрения в тексте со сказовой стилизацией, как правило, нет.

Сказ — семантико-стилистическая традиция русской прозы, позволяющая писателю глубоко проникнуть в сферу религии, в т. ч. изобразить ее нравственно испорченные формы, не затрагивая своей оценкой ее онтологию.

В пасхальном рассказе «На страстной неделе» (1887) Чехов обратился к проблеме преломления религиозных идей в детской психике, в «Убийстве» (1895) — исследовал феномен сектантского мышления.

Я. О. Козлова относит «Убийство» к рассказам Чехова, «в которых прослеживается эпизодическая отнесенность к пасхальному циклу» (Козлова, 2021, с. 199). Ключевое событие рассказа, братоубийство, происходит в начале Страстной седмицы, в Великий понедельник; на каторге убийца Яков Иванович Терехов переживает перерождение. Таким образом, можно с некоторыми оговорками считать, что обозначенные В. Н. Захаровым жанровые признаки пасхального рассказа: «приуроченность времени действия к Пасхальному циклу праздников и “душеспасительное” содержание» (Захаров, 1994, с. 256) — в наличии.

Сказом считают «особый тип повествования, строящегося как рассказ некоего отдаленного от автора лица (конкретно поименованного или подразумеваемого), обладающего своеобразной собств. речевой манерой» (Чудаков, 1971, с. 876). Проблема сказа освящается в работах Б. Эйхенбаума (Эйхенбаум, 1969), В. В. Виноградова (Виноградов, 1980), М. М. Бахтина (Бахтин, 1979), В. Шмида (Шмид, 2003) и др.

Для А. П. Квятковского сказ — это особая форма авторской речи, *проводимая на протяжении всего художественного произведения* в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование (Квятковский, 1966, с. 269). Согласно мнению А. П. Чудакова и М. О. Чудаковой, существуют композиционные формы произведений с использованием сказа, в которые «могут входить большие куски авторского текста» (Чудаков, 1971, с. 877).

Если «На страстной неделе» — произведение целиком состоящее из сказа, то в «Убийстве» сказовым является вставной рассказ.

Сказ — это двуголосая форма повествования, в которой автор обычно с определенной долей иронии и юмора использует точку зрения наивного нарратора на изображаемые события. Как отмечал М. М. Бахтин, «в большинстве случаев сказ вводится именно ради чужого голоса, голоса социально определенного, приносящего с собой ряд точек зрения и оценок, которые и нужны автору» (Бахтин, 1979, с. 84).

Рассказ «На страстной неделе» написан от лица ребенка, и, по мнению А. Д. Степанова, читатели и исследователи, интерпретируя его как попытку автора вернуться в детство, увидеть церковный обряд «сияющими глазами» ребенка-причастника, не замечают напряжения «между точками зрения всепонимающего автора и героя-ребенка» (Степанов, 2005, с. 272–273).

«На страстной неделе» — история о двух днях жизни восьмилетнего мальчугана Феди, рассказчика и героя своего рассказа одновременно. В центре истории — «Великая Среда», день исповедания, подготовки к святому причастию «Великого Четверга».

О шаловливости героя мы узнаем в самом начале рассказа из слов его матери: «Иди, уже звонят. Да смотри, не шали в церкви, а то бог накажет» (Чехов, 1978, т. 6: январь 1895 — май 1897, с. 141).

В восприятии мира у Феди выделяются два регистра: один — естественное, а второй — набожное мировосприятие.

Так, на пути к храму Федя видит двух мальчишек, повисших на задке извозчицкой пролетки, его первое чувство — «присоединиться к ним», ничего худого в этой забаве он не видит, но воспоминание о предстоящей исповеди меняет его отношение: их озорство, вполне естественное и для него, вдруг видится ему великим грехом, «мальчишки начинают казаться <...> величайшими грешниками». «На Страшном суде их спросят: зачем вы шалили и обманывали бедного извозчика? <...> Они начнут оправдываться, но нечистые духи схватят их и потащат в огонь вечный. Но если они будут слушаться родителей и подавать нищим по копейке или по бублику, то бог сжадется над ними и пустит их в рай», — рассуждает рассказчик (Чехов, 1978, т. 6: январь 1895 — май 1897, с. 141). Нечистые духи как исполнители приговора «Страшного суда», Бог, разжалобленный бубликом для нищего, — это знаки смешения христианского (православного) и народного религиозного мышления.

С религиозного регистра на привычный рассказчик переключается в храме, затеяв там драку со своим давним врагом. Драке в храме предшествовали рассуждения о собственной греховности, о счастье священника, имеющего власть прощать грехи и пр.; это благочестивое настроение исчезает

«вдруг». «Теперь очередь Митьки, но во мне вдруг вскипает чувство ненависти к этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым... Заметив мое движение, он бьет меня свечой по голове, я отвечаю ему тем же, и полминуты слышится пыхтенье и такие звуки, как будто кто-то ломает свечи...» (Чехов, 1978, т. 6: январь 1895 – май 1897, с. 143).

Финальный аккорд рассказа – и вновь набожное начало подавляет естественное. На следующее утро в храме, по-детски залюбовавшись красивой дамой, Федя начал думать, что когда вырастет, то непременно женится на «такой женщине» – и снова сдерживающий регистр: он вспоминает, «что жениться – стыдно», перестает об этом думать и идет «на клирос, где дьячок уже читает часы» (Чехов, 1978, т. 6: январь 1895 – май 1897, с. 145).

Автор осмеивает наивно-невежественный религиозный дискурс. Так, Прокофий Игнатъич, старый отставной солдат, помощник церковного старосты, объясняет полусшепотом какой-то старухе: «*Утренняя* будет сегодня с вечера, сейчас же после *вечерни*. А завтра к часам ударят в восьмом часу» (Чехов, 1978, т. 6: январь 1895 – май 1897, кн 2, с. 142). Мечтая «претерпеть мучения от какого-нибудь Ирода или Диоскора» (Чехов, 1978, т. 6: январь 1895 – май 1897, с. 144), Федя «записывает» в мучители мученика – Диоскора, за принятие христианства изжаренного на сковороде в царствование Антонина (138–161 гг.).

Хотя детские психологические «переодевания» – это не очумеловское хамелеонство, но все-таки и не совсем, по мнению автора, безобидное явление: весь строй произведения компрометирует его. Ребенку привит немотивированный стыд («жениться – стыдно»), его религиозный страх имеет черты гипертрофированности и флюгерности.

Вероятнее всего, в рассказе есть след детских воспоминаний писателя и его отрицательного отношения к религиозному воспитанию – см. письма 1892 г. И. Л. Леонтьеву (Щеглову) (Чехов, 1976, т. 5: 1886, с. 20), А. С. Суворину (Чехов, 1976, т. 5: 1886, с. 25).

Если приметы художественной критики религиозного или, скорее, религиозно-фарисейского воспитания детей вполне очевидны в произведении, то ею не затронута сама христианская религия. Лишь легкая тень сомнения брошена словом «кажется» на Божье прощение причастников, находящихся в храме. «В церкви все дышит радостью, счастьем и весной; лица Богородицы и Иоанна Богослова не так печальны, как вчера, лица причастников озарены надеждой, и, кажется, все прошлое предано забвению, все прощено» (Чехов, 1978, т. 6: январь 1895 – май 1897, с. 145). Позднее слово «казаться» будет очень часто встречаться с той же самой функцией в зоне речи «книжного» повествователя, в т. ч. в «Студенте» и «Убийстве».

В рассказе «Убийство» затронута тема бытования в России XIX в. отпочковавшихся от православия форм религиозности (старобрядчества, хлыстовства, молоканства, самоорганизованных «церквей» и пр.). Причина отпочкования – религиозная ревность: «...налагал я на себя всякие послушания: вставал по ночам и поклоны бил <...> ну, и вериги тоже» (Чехов, 1977, т. 9: 1894–1897, с. 138), – и неудовлетворенность состоянием официальной церкви, в т. ч. духовным обликом ее пастырей: «...какую он имеет власть отпускать мне грехи, ежели он грешнее, чем я?» (Чехов, 1977, т. 9: 1894–1897, с. 139). Художественно критикуется не столько инославию, сколько уродливые религиозные формы, встречающиеся и в православии, – сочетание строгой внешней религиозности с нравственной нечистоплотностью, нелюбовью к ближнему и проч. Так, Яков Терехов, герой рассказа, из-за религиозных разногласий убивает своего двоюродного брата Матвея Терехова утюгом во время «домашнего богослужения» на Страстной неделе.

В первых двух главах рассказа смешиваются разные типы повествования: объективное повествование и сказ, вставной рассказ Матвея, в котором он своим слушателям – стационарному буфетчику Сергею Никаноровичу и жандарму Жукову – поведал о собственном горьком сектантском опыте и о непростых отношениях со своим сектантствующим братом-трактирщиком. Данный монолог – пример сказа как «художественной имитации монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» (Виноградов, с. 49).

Герой сообщает слушателям, что «еще в малолетстве был привержен к леригии». Когда ему «только двенадцать годочков было», он «уже в церкви апостола читал» (Чехов, 1977, т. 9: 1894–1897, с. 138). Достаточно обстоятельно Матвей рассказывает о том, как религиозная ревность довела его

до организации «молельной», где он «держался устава святой Афонской горы», иногда и его превосходя строгостью. Почитание его как святого, беснование в молельных собраниях, блуд — этапы его падения. Вразумления от Осипа Варламыча стали поворотной точкой в возвращении к обычной церковной жизни. Рассказ Матвея заканчивается сожалением о бесплодности его нынешних усилий по исправлению сектантствующих брата и сестры. «Теперь и я, как Осип Варламыч, все наставляю братца и сестрицу и укоряю их, но выходит глас вопиющего в пустыне. Не дал мне бог дара» (Чехов, 1977, т. 9: 1894–1897, с. 141).

Вставной рассказ выполняет две задачи: во-первых, исследовать «изнутри» религиозность сектантского толка, увидеть ее глазами бывшего «сектанта», во-вторых, замаскировать авторское отношение к ее церковно-библейскому объяснению, согласно которому за религиозным обольщением скрываются бесы. Такого объяснения придерживаются Матвей: «...бес забрал меня окончательно» (Чехов, 1977, т. 9: 1894–1897, с. 140), — и его обличитель, Осип Варламыч: его дважды повторенные слова «что сверх обыкновения, то от беса» (Чехов, 1977, т. 9: 1894–1897, с. 141) — это «перепев» библейских слов «что сверх этого, то от лукавого». Неприметное влечение религиозного сомнения в ткань рассказа через забавное речевое поведение героя-рассказчика делает писателя «своим» для нерелигиозных читателей, увидит в нем «своего» и религиозная читательская аудитория, не обнаружив выпада против христианства.

Выводы

Чеховский принцип «правильной постановки вопросов» в пасхальных рассказах реализуется и с использованием стилизации и сказа. Проекция биографии и образа мысли Ренана находим в обрамляющем рассказе чеховского «Студента» (композиционная форма — рассказ в рассказе). Стилиевые и содержательные переклички «Евангелия от Великопольского» (вставного рассказа) с всемирно известной «Жизнью Иисуса» обнаруживаются в принципах отбора евангельских цитат и эпизодов, в их романизировании, «художественной реконструкции» и трансформациях. Если написанный в 1894 г. рассказ — это чеховский реквием умершему двумя годами ранее Ренану, то его приглушенное звучание не подавляет вполне гимн Воскресшему. Чехов, следуя своему правилу «постановки вопросов», художественно организует равноправное сосуществование контрастирующих идеологических точек зрения. Масштаб вхождения ренановского мира в космос рассказа — основание для повышенного интереса к творческому диалогу русского писателя с французским.

Чеховский религиозный герой-рассказчик убежденно верит в Бога, ад, рай и пр.; эксплицитного полемического примыкания к его точке зрения, как правило, нет. Сказ используется для исследования религиозной психологии и маскировки авторского отношения к христианской картине мира. Речь и наивный кругозор рассказчика отчасти проблематизируют его веру, будя мысль о ее неосновательности лишь у читателя с высоким градусом религиозного скепсиса. Показ религиозно окрашенных нравственно-психологических изъянов без религиозной критики расширяет сочувствующую авторской концепции читательскую аудиторию.

Источники

- Бахтин М. М. (1979) *Проблемы поэтики Достоевского*. М., Советская Россия, 320 с.
- Богданова О. В. (2019) Самый любимый рассказ А.П. Чехова ("Студент"). *Звезда*, № 1, с. 214–224.
- Вацуру В. Э. (1981) Стилизация. В кн.: *Лермонтовская энциклопедия*. М., Советская энциклопедия, с. 528–530.
- Виноградов В. В. (1980) *Избранные труды. О языке художественной прозы*. М., Наука, 360 с.
- Долинин К. А. (1972) Стилизация. В кн.: *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 7. М., Советская энциклопедия, с. 180–182.
- Есаулов И. А. (1999) Пространственная организация рассказа «Студент» и православная традиция. В кн.: *Чеховский сборник*. М., Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, с. 123–130.
- Захаров В. Н. (1994) Пасхальный рассказ как жанр русской литературы. *Проблемы исторической поэтики*, № 3, с. 249–261.
- Измайлов А. А. (1911) Вера или неверие (религия Чехова). В кн.: А. А. Измайлов. *Литературный олимп*. М., с. 133–179.
- Кадырова Н. А. (2019) Рассказ А.П. Чехова «Студент»: опыт мифопоэтического комментария. *Казанская наука*, № 9, с. 8–10.
- Капустин Н. В. (2003) «Чужое слово» в прозе А. П. Чехова : *Жанровые трансформации*. Дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 : защ. 06.03.2003 : [место защиты : Иванов. гос. ун-т]. Капустин Николай Венальевич. Иваново, 361 с.
- Катаев В. Б. (1979) *Проза Чехова: проблемы интерпретации*. М., Изд-во МГУ, 326 с.

- Квятковский А. П. (1966) Сказ. В кн.: Квятковский А. П. *Поэтический словарь*. М., Сов. Энцикл., 376 с.
- Кийко Е. И. (1980) Достоевский и Ренан. В кн.: *Достоевский. Материалы и исследования*. Вып. 4. Л., Наука, с. 106–121.
- Козлова Я. О. (2021 а) Жанр пасхального рассказа: завершение духовно-нравственных исканий А. П. Чехова («Святою ночью», «Студент», «Архиерей»). *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология*, т. 20, № 2, с. 120–127. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-120-127.
- Козлова Я. О. (2021 б) Эволюция жанра пасхального рассказа в прозе А. П. Чехова. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, № 5(847), с. 192–204. DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_192.
- Кубасов А. В. (1998) *Проза А. П. Чехова: искусство стилизации*. Екатеринбург, УГПУ, 400 с.
- Мень А. (1992) *Трудный путь к диалогу* [Электронный ресурс] М., Радуга, 464 с. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/trudput.txt>.
- Миннуллин О. Р. (2021) Аксиологический анализ поэтики литературного произведения («Студент» А. П. Чехова). *Современное есениноведение*, № 2 (57), с. 48–54.
- Ренан Э. (1902) *Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 1. *Будущее науки. Мысли 1848 года*. Ч. I. Киев, Книгоиздательство Б. К. Фукса, 18, VI, 161, 17 с.
- Ренан Э. (1902) *Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 2. *Будущее науки. Мысли 1848 года*. Ч. II. Киев, Книгоиздательство Б. К. Фукса, 143, 17, VII с.
- Ренан Э. (1902) *Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 10. *Воспоминания детства и юности*. Киев, Книгоиздательство Б. К. Фукса, 210 с.
- Ренан Э. (1906) *Жизнь Иисуса*. Киев, изд. кн. маг. С. И. Иванова и К^о, 336 с.
- Собенников А. С. (1997) *Творчество А. П. Чехова и религиозно-философские традиции в русской литературе XIX в.* Дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Собенников Анатолий Самуилович. Иркутск, 230 с.
- Степанов А. Д. (2005) *Проблемы коммуникации у Чехова*. М., Языки славянских культур, 396 с.
- Тамарченко Н. Д. (1997) Усилие воскресения: «Студент» А. П. Чехова в контексте русской классики. В кн.: *Литературное произведение: Слово и бытие*. Сб. науч. трудов. Донецк, с. 40–51.
- Чехов А. П. (1975) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 2. 1883–1884. М., Наука, 582 с.
- Чехов А. П. (1975) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 2. 1887 – сентябрь 1888. М., Наука, 582 с.
- Чехов А. П. (1976) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 5. 1886. М., Наука, 703 с.
- Чехов А. П. (1977) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 7. 1888–1891. М., Наука, 733 с.
- Чехов А. П. (1977) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 8. 1892–1894. М., Наука, 525 с.
- Чехов А. П. (1977) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 9. 1894–1897. М., Наука, 541 с.
- Чехов А. П. (1978) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 6. Январь 1895 – май 1897. М., Наука, 773 с.
- Чехов А. П. (1979) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 16. 1881–1902. М., Наука, 623 с.
- Чехов А. П. (1981) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 10. Апрель 1901 – июль 1902. М., Наука, 599 с.
- Чехов А. П. (1982) *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Под. общ. ред. Н. Ф. Бельчикова; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Т. 11. Июль 1902 – декабрь 1903. М., Наука, 719 с.
- Чудаков А. П., Чудакова М. О. (1971) Сказ [тип повествования]. В кн.: *Краткая литературная энциклопедия*. М., Советская энциклопедия, т. 6, с. 876–877.
- Чудаков А. П. (1996) «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле...»: Чехов и вера [Электронный ресурс]. Новый мир, № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak.html
- Шмид В. (2003) *Нарратология*. М., Языки славянской культуры, 312 с.
- Эйхенбаум Б. О. (1969) Как сделана «Шинель» Гоголя. В кн.: *Эйхенбаум Б. О прозе*. Сб. ст. Л., Худож. лит. Ленингр. отд-е, с. 306–326.

References

- Bakhtin M. M. (1979) *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Sovetskaya Rossiya Publ., Moscow, 320 p. (In Russian).
- Bogdanova O. V. (2019) Samyy lyubimyy rasskaz A. P. Chekhova [The most favorite story of A. P. Chekhov] ("Student"). *Zvezda – Star*, no. 1, pp. 214–224 (In Russian).
- Vatsuro V. E. (1981) Stilizatsiya [Stylization]. In: *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov encyclopedia]. Sovetskaya Entsiklopediya, Moscow, pp. 528–530 (In Russian).
- Vinogradov V. V. (1980) *Izbrannyye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected works. On the language of artistic prose]. Moscow, Nauka Publ., 360 p. (In Russian).
- Dolinin K. A. (1972) Stilizatsiya [Stylization]. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief literature encyclopedia]. Sovetskaya Entsiklopediya Publ., Moscow, vol. 7, p. 180–182 (In Russian).
- Yesaulov I. A. (1999) Prostranstvennaya organizatsiya rasskaza "Student" i pravoslavnaya traditsiya [Spatial organization of the story "Student" and the Orthodox tradition]. In: *Chekhovskiy sbornik* [Chekhov collection]. A. M. Gorky's Literature Institute Publ., Moscow, pp. 123–130 (In Russian).
- Zakharov V. N. (1994) *Paskhal'nyy rasskaz kak zhanr russkoy literatury* [Easter story as a genre of Russian literature]. The problems of historical poetics, no. 3, pp. 249–261 (In Russian).
- Izmailov A. A. (1911) Vera ili neveriye (religiya Chekhova) [Faith or unbelief (Chekhov's religion)]. In: A. A. Izmailov. *Literaturnyy olimp* [The Olympus of literature]. Moscow, pp. 133–179 (In Russian).

- Kadyrova N. A. (2019) Rasskaz A. P. Chekhova "Student": opyt mifopoeticheskogo kommentariya [The story of A.P. Chekhov "Student": the experience of mythopoetic commentary]. *Kazan science*, no. 9, pp. 8–10 (In Russian).
- Kapustin N. V. (2003) "Chuzhoye slovo" v proze A. P. Chekhova : Zhanrovyye transformatsii. Dis. Dr. Philol. Sc.]. *Ivanovo, 361 p.* (In Russian).
- Kataev V. B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. MSU Publ., Moscow, 326 p. (In Russian).
- Kvyatkovsky A.P. (1966) Skaz [Skaz]. In: *Kvyatkovsky A. P. Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. Sovetskaya Entsiklopediya Publ., Moscow, 376 p. (In Russian).
- Kiyko E. I. (1980) Dostoyevskiy i Renan [Dostoevsky and Renan]. In: *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Issue 4. Leningrad Branch of Nauka Publ., Leningrad, pp. 106–121 (In Russian).
- Kozlova Y. O. (2021 a) Zhanr paskhal'nogo rasskaza: zaversheniye dukhovno-nravstvennykh iskanii A. P. Chekhova ("Svyatoyu noch'yu", "Student", "Arkhierey") [Genre of the Easter story: the completion of the spiritual and moral quest of A. P. Chekhov ("Holy Night", "Student", "Bishop")]. *Vestnik NSU. Ser. History and philology*, vol. 20, no. 2, pp. 120–127. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-2-120-127 (In Russian).
- Kozlova Y. O. (2021 b) Evolyutsiya zhanra paskhal'nogo rasskaza v proze A. P. Chekhova [The evolution of the genre of the Easter story in the prose of A. P. Chekhov]. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 5(847), pp. 192–204. DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_192 (In Russian).
- Kubasov A. V. (1998) *Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii* [A. P. Chekhov's prose: the art of stylization]. USPU Publ., Yekaterinburg, 400 p. (In Russian).
- Men A. (1992) *Trudnyy put' k dialogu* [Difficult path to dialogue]. Raduga Publ., Moscow, 464 p. (In Russian).
- Minnullin O. R. (2021) Aksiologicheskiy analiz poetiki literaturnogo proizvedeniya ("Student" A. P. Chekhova) [Axiological analysis of the poetics of a literary work ("Student" by A. P. Chekhov)]. *Sovremennoye yeseninovedeniye - Modern Yesenin Studies*, no. 2 (57), pp. 48–54 (In Russian).
- Renan E. (1902) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. In 12 vols. Vol. 1. *Budushcheye nauki. Mysli 1848 goda* [The future of science. Thoughts in 1848]. Pt. I. Knigoizdatel'stvo B. K. Fuksa Publ., Kiyev, 18, VI, 161, 17 p. (In Russian).
- Renan E. (1902) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. In 12 vols. Vol. 2. *Budushcheye nauki. Mysli 1848 goda* [The future of science. Thoughts in 1848]. Pt. II. Knigoizdatel'stvo B. K. Fuksa Publ., Kiyev, 143, 17, VII p. (In Russian).
- Renan E. (1902) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. In 12 vols. Vol. 10. *Vospominaniya detstva i yunosti* [Memories of childhood and youth]. Knigoizdatel'stvo B. K. Fuksa Publ., Kiyev, 210 p. (In Russian).
- Renan E. (1906) *Zhizn' Iisusa* [Life of Jesus]. Izd. kn. mag. S.I. Ivanova i K^o Publ., Kiyev, 336 p. (In Russian).
- Sobennikov A. S. (1997) *Tvorchestvo A. P. Chekhova i religiozno-filosofskiy traditsii v russkoy literature XIX v. Dis. d-ra filol. nauk* [A. P. Chekhov's work and religious and philosophical traditions in Russian literature of the 19th century. Dis. Dr. Philol. Sc.]. Irkutsk, 230 p. (In Russian).
- Stepanov A. D. (2005) *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov]. Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., Moscow, 396 p. (In Russian).
- Tamarchenko N.D. (1997) Usiliye voskreseniya: "Student" A. P. Chekhova v kontekste russkoy klassiki [Effort of resurrection: "Student" by A. P. Chekhov in the context of Russian classics]. In: *Literaturnoye proizvedeniye: Slovo i bytiye* [Work of literature: Word and being]. Collection of scientific works. Donetsk, pp. 40–51 (In Russian).
- Chekhov A. P. (1975) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 2. 1883–1884. Nauka Publ., Moscow, 582 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1975) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 2. 1887 – sentyabr' 1888 [1887 – September 1888]. Nauka Publ., Moscow, 582 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1976) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 5. 1886. Nauka Publ., Moscow, 703 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1977) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 7. 1888–1891. Nauka Publ., Moscow, 733 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1977) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 8. 1892–1894. Nauka Publ., Moscow, 525 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1977) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 9. 1894–1897. Nauka Publ., Moscow, 541 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1978) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 6. Yanvar' 1895 – may 1897 [January 1895 – May 1897]. Nauka Publ., Moscow, 773 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1979) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 16. 1881–1902. Nauka Publ., Moscow, 623 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1981) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 10. April' 1901 – iyul' 1902 [April 1901 – July 1902]. Nauka Publ., Moscow, 599 p. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1982) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. In 30 vols. Ed. by N. F. Belchikova; Academy of Sciences of the USSR, A. M. Gorky Institute of World Literature. Vol. 11. Iyul' 1902 – dekabr' 1903 [July 1902 – December 1903]. Nauka Publ., Moscow, 719 p. (In Russian).
- Chudakov A. P., Chudakova M. O. (1971) Skaz [tip povestvovaniya] [Tale [type of narration]]. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Sovetskaya Entsiklopediya Publ., Moscow, vol. 6, pp. 876–877 (In Russian).
- Chudakov A. P. (1996) "Mezhd u "yest' Bog" i "net Boga" lezhit tseloye gromadnoye pole...": Chekhov i vera [Elektronnyy resurs] ["Between "there is God" and "there is no God" lies a whole huge field...": Chekhov and faith]. *Novyy mir - New World*, no. 9. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak.html (In Russian).

Schmid B. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., Moscow, 312 p. (In Russian).
Eikhenbaum B. O. (1969) H[ow Gogol's "Overcoat" was made]. In: Eikhenbaum B. *O proze* [About prose]. Leningrad Branch of Khudozhestvennaya literatura Publ., Leningrad, p. 306–326 (In Russian).

Информация об авторе

Колесников Олег Михайлович

Соискатель кафедры литературы и культурологии. Омский государственный педагогический университет (644099, РФ, г. Омск, Набережная Тухачевского, 14). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5464-8193>. E-mail: haris67@list.ru

Author`s information

Oleg M. Kolesnikov

Applicant for the PhD degree of Literature and Cultural Studies department. Omsk State Pedagogical University (14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5464-8193>. E-mail: haris67@list.ru